228.147

N ГОДЪ ПЕРВЫЙ 12

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ДЕКАБРЬ

9787/77

1908
СПБ

СОДЕРЖАНІЕ.

		стр.
1.	Выходъ изъ Шлиссельбурга на волю **М.В. Новорусскаго**	1
2.	Банкетная кампанія въ Саратовѣ (1904 — 1905) **И. А—аго**	29
3.	Изъ эпохи пугачевщины. Сообщилъ **Б.**	63
4.	Въ 1863 году. (*Отрывки изъ воспоминаній*) **И. Красноперова**	69
5.	В. Д. Скарятинъ. (*Изъ исторіи русской журналистики*) **А. Пантелѣева**	81
6.	Изъ прошлаго нашей журналистики. („*Знаніе*“ и „*Слово*“) **И. А. Гольдсмита**	84
7.	Изъ исторіи общественнаго движенія въ Русской Польшѣ **И. Залевскаго**	97
8.	Охраненіе русскихъ офицеровъ отъ польскаго духа (1831—1896). Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ. Сообщ. **П. Н. Миллеръ**	132
9.	Воспоминанія. (*Окончаніе*) **Е. Н. Водовозовой**	135
10.	Вліяніе европейскаго соціализма на декабристовъ и молодого Герцена **Н. С. Русанова**	170
11.	Изъ исторіи журнальной дѣятельности А. Н. Радищева (1879 г.) **П. Е. Щеголева**	191
12.	Дневникъ **В. С. Аксаковой** 1855 г.	210
13.	Первый годъ Петербургской „Рабочей Организаціи“ **К. Семенова**	264
14.	Семь писемъ къ В. В. Рахманову **Льва Николаевича Толстого**	295

стр.

15. Библіографія (П. И. Бирюковъ.—Л. Н. Толстой.) **А. А. Корнилова** 309
16. Поправка къ статьѣ З. К. Ралли **М. С—на** 314
17. Книги, поступившія въ редакцію 316
18. Отчетъ редакціи о суммахъ и предметахъ, поступившихъ на устройство Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ 318
19. Объявленія 322

Типографія Б. М. Вольфа. Невскій, 126.

Первый годъ Петербургской „Рабочей Организаціи".

1.

Въ іюньскій полдень 1900 г. въ лѣсу недалеко отъ Петербурга сидѣло нѣсколько человѣкъ рабочихъ и студентовъ. Они ушли сюда подальше отъ шпіоновъ и полиціи, чтобы обсудить невинный вопросъ—организацію кассы рабочихъ. Но планы у нихъ были широкіе—объединить петербургскихъ рабочихъ вокругъ этой кассы борьбы и взаимопомощи. Только что отпечатанный проектъ этой кассы лежалъ передъ ними.

Самаго автора проекта не было здѣсь. Около мѣсяца назадъ онъ покончилъ свою жизнь выстрѣломъ въ високъ. Онъ предпочелъ пулю медленному умиранію отъ чахотки, которая надломила тревожную жизнь революціонера. Это былъ студентъ Лѣсного Института Сафоновъ.

Собравшіеся товарищи сходились въ своихъ надеждахъ и цѣляхъ. Они обсуждали только детали проекта и способъ проведенія кассы въ жизнь. Быстро столковавшись между собою, они перешли на товарищескую бесѣду и разными путями направились въ городъ.

Идея объединенія рабочихъ въ организацію давно уже бродила въ головахъ петербургскихъ соціалъ-демократовъ. Номера „Рабочей Мысли" и прокламаціи „Союза Борьбы" неустанно твердили рабочимъ о необходимости организоваться. Они совѣтовали соединяться въ кружки, устраивать кассы, и обѣщали найти эти кружки и связать ихъ вмѣстѣ. Элементы для организаціи были на лицо. Только что минувшій періодъ массовой стачечной борьбы 1896—1897 года привелъ въ броженіе рабочихъ. Передовая ихъ часть входила въ кружки „Союза Борьбы" и многочисленныя группы, ставящія себѣ задачею развивать классовое сознаніе рабочихъ. Нужно было только связать и сорганизовать эти кружки. Сознательные рабочіе дружно откликнулись на починъ, и дѣло быстро двинулось впередъ.

Въ процессѣ работы первоначальная идея расширилась. Отъ организаціи кассы перешли къ организаціи рабочихъ по фабрикамъ и заводамъ въ самостоятельную „Рабочую Организацію" (Р. Ор.), которая должна была составить ядро „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса" (С. Б.).

Къ зимѣ значительная часть организаціонной работы была

выполнена, и большинство сознательныхъ рабочихъ объединилось въ „Р. Ор.“

Въ программѣ, выпущенной „Рабочей Организаціей“ осенью, заявлялось, что „конечною цѣлью рабочаго движенія является политическое и экономическое освобожденіе рабочаго класса, которое можетъ быть достигнуто только соціалъ-демократическимъ движеніемъ широкихъ рабочихъ массъ“. Своей задачею Союзъ Борьбы ставилъ содѣйствіе борьбѣ рабочихъ и превращеніе ее „въ форму организованной сознательной борьбы противъ капиталистической эксплоатаціи и абсолютизма“.

По уставу „Р. Орг.“ и по планамъ ея основателей, основной ячейкой организаціи являлась фабричная группа или кружокъ, куда входили всѣ сознательные рабочіе даннаго завода или фабрики. Но такъ какъ, въ видахъ конспираціи, рекомендовалось устраивать кружки не больше чѣмъ въ 10 человѣкъ, то при наличности значительнаго количества сознательныхъ товарищей на фабрикѣ, они должны были соединиться въ нѣсколько кружковъ, а фабричная группа составлялась изъ ихъ представителей.

На обязанности группы лежала агитація среди рабочихъ, организація новыхъ кружковъ и руководство всею жизнью фабрики или завода. При группѣ была касса, куда каждый членъ организаціи долженъ былъ вносить по двѣ копейки съ заработаннаго рубля. Изъ этихъ денегъ половина оставалась въ кассѣ и расходовалась по усмотрѣнію группы на взаимопомощь, на газеты, книги. Другая же половина поступала въ стачечный фондъ „Р. Ор.“, откуда расходованіе денегъ могло совершаться исключительно на стачку.

Фабрики группировались по районамъ. Фабричныя группы выбирали изъ своей среды представителей, которые входили въ районный комитетъ. Выборные представители отъ районныхъ комитетовъ составляли вмѣстѣ съ однимъ интеллигентомъ-„агитаторомъ“ „Комитетъ Рабочей Организаціи“ или, какъ его обычно называли, „Рабочій Комитетъ“ (Р. К.). Этотъ комитетъ руководилъ дѣятельностью всей организаціи, объединяя дѣятельность районовъ и велъ агитацію среди петербургскихъ рабочихъ. Поэтому онъ носилъ еще названіе „Агитаціонная Группа“. Ему одному принадлежало право издавать листки общаго и частнаго характера отъ имени „Р. Ор.“.

За исключеніемъ интеллигента-агитатора, ни одинъ интеллигентъ не входилъ въ какую-нибудь ячейку „Р. Ор.“, такъ что вся она, съ низу до верху, состояла изъ однихъ рабочихъ. Организація должна была быть „чисто рабочей“ организаціей, самостоятельной, независимой отъ интеллигенціи. Рабочіе должны были сами строить организацію, сами вѣдать всѣ свои дѣла, такъ какъ „освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ“.

Но молодое рабочее движеніе не могло и думать обойтись безъ интеллигенціи. Необходимы интеллигентныя силы для пропаганды, нелегальная литература, значительныя денежныя сред-

ства. Все это готова была доставить интеллигенція, главнымъ образомъ, студенты. Почему не принять ихъ услугъ? Надо только охранить чистоту рабочаго движенія отъ вліянія „попутчиковъ", съ которыми у рабочихъ „общій путь идетъ только отъ Петербурга до Москвы, а дальше пути расходятся". Подъ „попутчиками" подразумѣвалось обыкновенно либеральное общество, но на практикѣ дѣятели „Р. Ор." примѣняли тѣ же взгляды и къ интеллигенціи готовой участвовать въ рабочемъ движеніи, потому что вѣдь настоящіе идеологи рабочаго класса изъ среды буржуазіи рѣдки, какъ „бѣлые вороны". И интеллигенцію изолировали отъ „Р. Ор.", чтобы она не вліяла на „чистоту" рабочаго движенія, чтобы она не вмѣшивалась въ „дѣло рабочихъ", а единственно обслуживала его.

Интеллигенты, обслуживающіе движеніе, были сорганизованы въ группы по ихъ функціямъ. Были группы пропагандистовъ, печатниковъ, денежная, группа для сношеній съ провинціей и за границей. Функціи были строго разграничены, группы отдѣлены другъ отъ друга. Сносились онѣ, какъ и рабочія группы, только черезъ своихъ представителей.

Пропагандисты должны были вести только пропаганду. Приносить въ кружки рабочихъ литературу имъ запрещалось, для этого существовали особые передатчики, и литература шла въ кружки черезъ представителей. Пропагандисты не должны были пытаться руководить борьбою рабочихъ. Это было дѣло заводскихъ группъ и комитетовъ организаціи. Самое больше, что могли сдѣлать пропагандисты,—это поинтересоваться жизнью фабрики и, пожалуй, подать совѣтъ рабочимъ.

Представители группъ пропагандистовъ должны были составить „Совѣтъ Пропагандистовъ", который отъ себя посылалъ представителя пропагандистовъ въ „Комитетъ Союза Борьбы".

„Комитетъ Союза Борьбы" (К. С. Б.) объединялъ дѣятельность всей организаціи—вѣрнѣе двухъ частей ея—рабочей и интеллигентской. Въ немъ соприкасалась „Р. Ор." съ обслуживающими ее интеллигентскими группами. Этотъ комитетъ являлся представителемъ всей союзной организаціи и говорилъ отъ имени какъ интеллигентовъ, такъ и рабочихъ. Въ комитетъ входили представители районовъ съ агитаторомъ, т. е. „агитаціонная группа" или „Рабочій Комитетъ" и представители отъ пропагандистовъ, техники, кассы, группъ для сношенія съ провинціей и за границей.

Основной идеей при построеніи „Р. Ор." были демократизмъ и конспирація. Демократизмъ долженъ былъ гарантироваться выборностью всѣхъ высшихъ ячеекъ, отчетностью, участіемъ членовъ организаціи въ рѣшеніи всѣхъ ея дѣлъ и удаленіемъ отъ организаціи вліянія интеллигентовъ. Конспирація достигалась строгимъ раздѣленіемъ функцій, отдѣленіемъ другъ отъ друга кружковъ и сношеніемъ исключительно черезъ представителей.

Построивши организацію—насколько было силъ—по данному уставу, мы съ гордостью оглядывались назадъ на нашихъ пред-

шественниковъ, работа которыхъ представлялась намъ непродуктивной, кустарнической, неконспиративной, при всей ея тяжести. Они сами съ величайшими трудностями и рискомъ провалиться завязывали связи съ рабочими. Они знакомились съ ними, звали къ себѣ на домъ, ходили къ нимъ „на стаканъ чаю", потомъ приступали къ пропагандѣ и часто послѣ выпуска первой же прокламаціи попадались въ руки полиціи. Такъ было, напримѣръ, годъ назадъ съ „Группой борьбы съ капиталомъ", которая была заарестована за мирной бесѣдой надъ стаканомъ чая во время печатанія прокламаціи.

Первое предостереженіе противъ нашего увлеченія дано было намъ южными товарищами. Къ намъ пришло письмо, кажется, изъ Екатеринослава, гдѣ указывалось на два слабыхъ пункта нашей организаціи: на выборное начало и взаимопомощь. Выборность позволяетъ провокатору пролѣзть изъ кружка до самаго центра. Помощь же больнымъ и безработнымъ не осуществима вслѣдствіе недостатка средствъ и будетъ только отвлекать ихъ отъ болѣе продуктивнаго изслѣдованія.

Уставъ „Р. Ор." далъ новыя основанія для критики принциповъ и тактики „Союза Борьбы". Во взаимопомощи, независимости „Р. Ор." увидѣли новое подтвержденіе виновности „Союза Борьбы" во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ противъ соціалъ-демократіи. Грѣхи эти, особенно выпукло формулированные впослѣдствіи Ленинымъ въ „Что дѣлать", были: экономизмъ, хвостизмъ, кустарничество, стачкизмъ, практицизмъ, трэдъ-юніонизмъ, оппортунизмъ.

II.

При построеніи „Р. Ор." въ городѣ намѣчалось 6 районовъ: Выборгскій, Невскій, Обуховскій (съ Мурзинкой), Нарвскій, Василеостровскій и Петербургскій. Но въ теченіе всей зимы правильно функціонировали только районы Выборгскій и Обуховскій. Въ Невскомъ и Нарвскомъ районахъ послѣ провала организація была сильно разстроена и пришлось ее строить снова. Въ Петербургскомъ же и Василеостровскомъ за все время не было правильной организаціи, а были только кружки и связи. Во всей организаціи числилось человѣкъ 300—500, число значительное для того времени. Кромѣ того къ „Р. Ор." примыкала Колпинская организація, стоявшая, впрочемъ, съ городомъ въ слабой связи изъ-за дальности разстоянія.

Жизнь „Р. Ор." можетъ быть раздѣлена на два періода. Первый періодъ, тянувшійся осень 1900 г. и часть зимы, былъ по преимуществу періодомъ организаціоннаго строительства, переходившаго въ обыденную работу организаціи. Онъ характеризовался развитіемъ организаціи, заведеніемъ новыхъ связей и усовершенствованіемъ способовъ пропаганды и агитаціи. Его теченіе нарушалось частичными арестами, уносившими то отдѣльнаго члена организаціи, то кружокъ, послѣ чего приходилось задѣ-

лывать образовавшуюся брешь и затѣмъ строить дальше. Этотъ періодъ былъ рѣзко оборванъ массовыми арестами 28 января 1901 г., унесшими „Городскую“ группу пропагандистовъ и сильно разстроившими Невскій и Нарвскій районы. Другія части организаціи пострадали слабо. Второй періодъ имѣетъ своимъ центральнымъ пунктомъ 1 мая. Онъ протекаетъ среди повышенной общественной атмосферы. Разрушенныя части организаціи быстро возстановляются, причемъ главное вниманіе обращается на подготовку майской демонстраціи. Провалъ 18 апрѣля разстраиваетъ всю организацію, но стихійный подъемъ продолжается и выливается въ бурныхъ событіяхъ 1 мая, съ обуховской обороной въ результатѣ.

За все время существованія „Р. Ор.“ около петербургскаго рабочаго движенія боролись два направленія — одно болѣе экономическое, другое—политическое. Борьба этихъ двухъ направленій шла и внутри самой организаціи, давала полемическій тонъ ея жизни и порождала внутреннія тренія.

„Союзъ Борьбы“ принадлежалъ къ такъ называемому „экономическому“ направленію. Онъ постоянно подчеркивалъ свое стремленіе вести агитацію на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій, которыя были, главнымъ образомъ, экономическія. Онъ объяснялъ свою тактику желаніемъ считаться съ уровнемъ развитія отдѣльныхъ слоевъ пролетаріата и стоять на почвѣ массового движенія. Органомъ „С. Б.“ была „Рабочая Мысль“—„газета петербургскихъ рабочихъ“, вызывавшая столько громовъ критики своимъ „узкимъ практицизмомъ и боязнью политики“. Вліяніе и связи среди петербургскихъ рабочихъ были въ то время, главнымъ образомъ, въ его рукахъ.

Соціалъ-демократическая интеллигенція, настроенная болѣе радикально и болѣе политически, группировалась въ „Рабочемъ Знамени“ и „Группѣ 20-и“, которыя къ началу 1901 г. объединились въ организацію „Соціалистъ“. Онѣ стояли за необходимость вести среди рабочихъ политическую агитацію и звать рабочихъ къ политической борьбѣ. Ихъ органомъ считалось „Рабочее Знамя“, первый номеръ котораго вышелъ, кажется, въ 1898 г., а второй въ 1900. Этотъ второй номеръ служилъ для насъ — союзниковъ—олицетвореніемъ „рабочезнаменцевъ“—литературно-красивымъ интеллигентскимъ фразерствомъ, совершенно не считающимся съ интересами и уровнемъ развитія рабочихъ.

Въ самомъ „С. Б.“ экономическое направленіе сосредоточивалось въ „Лѣсной“ группѣ пропагандистовъ, а политическое, приближавшееся къ „Рабочему Знамени“—въ „Городской“ группѣ, состоявшей, главнымъ образомъ, изъ технологовъ и горняковъ. „Невская“ группа, образовавшаяся послѣ январскаго провала, занимала среднее положеніе между экономистами и политиками. Наличность разногласія рѣзко чувствовалась во взаимныхъ отношеніяхъ. „Городскіе“ пропагандисты не отзывались о „лѣсныхъ“ иначе, какъ объ экономистахъ или трэдъ-юніонистахъ. Въ свою очередь

„лѣсные“ называли „городскихъ“ бланкистами. Однако, до организаціонной борьбы дѣло не доходило.

Какое изъ теченій было преобладающимъ въ „С. Б.“ численно—сказать трудно. Но фактически господствовали экономисты. Получалось это въ силу нелѣпыхъ особенностей организаціи.

„Комитетъ С. Б.“, въ которомъ интеллигенты только и могли вліять на рѣшенія организаціи, въ своемъ полномъ составѣ не собирался никогда. Его собранія раздѣлялись на двѣ части: на отдѣльное собраніе „Рабочаго Комитета“ и на отдѣльное собраніе интеллигентской части комитета. И всѣ вопросы рѣшались сложеніемъ рѣшенія обѣихъ частей—„верхней и нижней палатой“. Связью между обѣими частями служилъ интеллигентъ-агитаторъ, который въ силу своего привелегированнаго положенія могъ вліять въ обѣихъ частяхъ комитета и былъ какъ-то сверхцентромъ. По убѣжденіямъ онъ былъ ярый экономистъ.

Онъ не злоупотреблялъ своимъ положеніемъ намѣренно. Какъ истинный „союзникъ“, онъ выслушивалъ въ „Р. К.“ мнѣніе рабочихъ, и только тогда высказывался. Но вліяніе его, какъ сильной личности, было велико. Получивъ желаемое рѣшеніе въ „Р. К.“, онъ шелъ въ интеллигентскую часть комитета и нерѣдко обрывалъ тамъ пренія категорическимъ заявленіемъ: „рабочіе рѣшили такъ!“

Не разъ комитетскіе политики настаивали на устройствѣ общаго собранія комитета, чтобы представить товарищамъ-рабочимъ свои доводы, но всѣ ихъ попытки разбивались объ упорство экономистовъ, которые были убѣждены, что „это неконспиративно“. Въ чемъ здѣсь была неконспиративность—неизвѣстно. Добро бы еще, если-бы „Р. К.“ собирался гдѣ-нибудь за заставой, въ рабочей квартирѣ, но обыкновенно его собранія происходили въ городѣ на интеллигентскихъ квартирахъ, и присутствіе еще двухъ-трехъ интеллигентовъ не могло составить разницы. За неконспиративность говорило развѣ то единственное соображеніе, которое приходилось слышать отъ „союзниковъ“, что вообще провалы идутъ отъ интеллигенціи, и что чуть не вся она на подозрѣніи у полиціи.

Но въ результатѣ этого нелѣпаго двуцентрія интеллигенты-политики оказывались совершенно отрѣзанными отъ вліянія на рабочихъ, и гегемонія въ Союзѣ была у экономистовъ. Стремленіе оградить самостоятельность рабочихъ лишало ихъ возможности выслушивать доводы политиковъ. Демократизмъ отрицалъ демократизмъ.

Приведенная въ движеніе организація скоро показала свои слабыя стороны.

Система небольшихъ кружковъ, поставленныхъ другъ надъ другомъ, имѣла полный смыслъ, если учредители организаціи расчитывали, что жизненнымъ нервомъ ея будетъ взаимопомощь рабочихъ. Большихъ кружковъ, по полицейскимъ условіямъ, нельзя было устраивать, между тѣмъ необходимо было дать воз-

можность жить кое-какой организаціонной жизнью всѣмъ членамъ организаціи. И эта цѣль системою кружковъ достигалась.

Фабричная группа живо интересовалась своими дѣлами. Членскіе взносы въ первое время поступали исправно. Заводскіе и районные представители давали детальный отчетъ по отдѣльнымъ кружкамъ, для чего, напр., въ Выборгскомъ районѣ кружки носили особыя прозвища: „Ласточка“, „Міръ“, кружокъ „Маркса“, „Лассаля“. Группа обсуждала расходованіе денегъ, выдачу рубля или полтинника нуждающемуся товарищу и старалась всегда наполнить кассу взносами. Замѣчалось, что болѣе сознательные товарищи избѣгали брать деньги изъ кассы. Они готовы были занять рубль на сторонѣ, чтобы только не затруднять кассу, которая должна была привлекать несознательныхъ рабочихъ къ „дѣлу освобожденія рабочаго класса“.

Но экономическій кризисъ парализовалъ всѣ ихъ усилія: нужда въ деньгахъ сильно превосходила ихъ поступленія, и касса оказывалась пуста. При крайней необходимости дать отъѣзжающему безработному на дорогу приходилось брать изъ кассы „Союза Борьбы“, которая пополнялась сборами со студентовъ и „общества“. Получалось неловкое положеніе: уставъ не дѣлалъ разницы между членами организаціи, между тѣмъ „С. Б.“, какъ революціонная организація, могъ тратить деньги только на работниковъ организаціи. Давая деньги члену комитета и отказывая члену низшаго кружка, комитетъ какъ-бы ставилъ однихъ рабочихъ выше другихъ. Здѣсь сказывался двойственный характеръ организаціи

Взаимопомощь не осуществлялась. Болѣе революціонно-настроенные товарищи интересовались не кассами, а другою дѣятельностью „Р. Ор.“ Интересъ къ кассамъ падалъ, собирать взносы становилось трудно, и въ 1901 г. о взаимопомощи уже забыли

Оказалось, что постепенно изъ „Р. Ор.“ была вынута та ось, вокругъ которой вращалась ея жизнь. И рабочіе оказались сорганизованными вокругъ пустого мѣста. Колеса организаціи вращались попрежнему, но вращались, какъ-бы безъ передаточныхъ ремней. Иначе, въ сущности, и не могло быть, такъ какъ каждая форма организаціи получаетъ свой смыслъ въ зависимости отъ содержанія своей дѣятельности.

Организаціонные ячейки собирались. Низшія ячейки и фабричныя группы представляли обыкновенно пропагандистскіе кружки, поэтому ихъ собранія имѣли еще смыслъ. Изъ организаціонныхъ дѣлъ на ихъ членахъ лежало одно—созданіе новыхъ кружковъ. Несложная жизнь фабрики въ моментъ затишья не давала матеріала для обсужденія въ группахъ фабричныхъ дѣлъ.

Еще меньше дѣла оказывалось для Районныхъ Комитетовъ, такъ какъ направленіе агитаціонной работой сосредоточивалось въ „Р. К.“ Случалось, что на собраніи Районнаго Комитета нечего было дѣлать.

Зато въ „Р. К.“ сосредоточивалась масса дѣла и тамъ чувство-

вался недостатокъ въ силахъ. На интеллигентѣ-агитаторѣ лежала чуть не вся общая организаціонная работа. Приходилось положительно разрываться между офиціальными обязанностями агитатора и фактическими обязанностями организатора.

Между тѣмъ, въ организаціи были люди, силы которыхъ оставались неиспользованными. Нѣсколько вполнѣ сознательныхъ рабочихъ не могли себѣ найти дѣла въ организаціи. Въ низшихъ ячейкахъ имъ, какъ вообще большинству сознательныхъ рабочихъ около несуществующихъ кассъ, нечего было дѣлать. Мѣста районныхъ представителей были заняты. Пропагандистами они быть не могли, хотя одни изъ нихъ по своимъ знаніямъ не уступали молодымъ пропагандистамъ. (Рабочіе гораздо взыскательнѣе къ пропагандистамъ-рабочимъ, чѣмъ къ интеллигентамъ. Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ!).

Нуждаясь въ силахъ, „Р. Ор.“ отпускала отъ себя силы. Она согласилась отпустить въ другой городъ цѣннаго работника. Это былъ ткачъ, несшій на своихъ плечахъ стачку 1896 г. и расчитанный за празднованіе 1 мая въ 1900 году.

Какъ ни жаль было отпускать его отъ себя, но мы не знали, какъ иначе быть, потому что сдѣлать его профессіональнымъ работникомъ мы не умѣли или не догадывались.

Неиспользованными оставались и силы интеллигентовъ-пропагандистовъ, такъ какъ они стояли внѣ жизни организаціи.

Громоздкость организаціи, ненужная въ моменты затишья, становилась помѣхой въ моменты оживленія. Въ горячій моментъ, когда на фабрикѣ проявлялось волненіе, и необходимы были быстрыя дѣйствія, изданіе спѣшнаго листка, не такъ-то легко было добраться до „Р. К.“ Онъ собирался разъ въ недѣлю. Пока требованіе на листокъ доходило до „Р. К.“, оттуда въ исполнительныя группы и пока листокъ попадалъ на фабрику, онъ оказывался уже устарѣвшимъ. Нѣсколько разъ приходилось уничтожать уже напечатанный листокъ.

Полная же непригодность неповоротливой громоздкой организаціи для боевыхъ выступленій обнаружилась въ бурные мартовскіе дни.

Но обезпечивала ли форма организаціи демократизмъ и конспирацію, которыя были руководящей идеей при ея построеніи?

Демократизмъ долженъ былъ установиться въ организаціи путемъ выборности высшихъ ячеекъ и участіемъ всѣхъ членовъ организаціи въ рѣшеніи ея дѣлъ. Но настоящей выборности въ организаціи на практикѣ такъ и не было. Представителемъ кружка обыкновенно являлся его организаторъ. Представитель же отъ района намѣчался „Рабочимъ Комитетомъ“, который и старался провести намѣченнаго въ комитетъ. Послѣ январскаго провала въ Нарвскомъ районѣ все время продолжалось ненормальное положеніе. Представитель былъ арестованъ, а за кандидатомъ въ представители шла такая сильная слѣжка, что ему невозможно было показаться въ городъ. Тогда замѣстителемъ его въ „Р. К.“

былъ назначенъ интеллигентъ. Приходилось намѣтить настоящаго представителя, но тутъ положеніе совершенно запуталось. Комитетъ намѣтилъ въ представители интеллигентнаго рабочаго, и перевелъ его спеціально для этого за Невскую заставу изъ другого района. Рабочіе же не знали его и не симпатизировали ему за его наружное высокомѣріе. Они выдвинули своего кандидата. Не знаю, какъ бы кончилось столкновеніе и какъ-бы „Р. К." выпутался изъ затруднительнаго положенія,—но апрѣльскій провалъ разрубилъ узелъ, засадивъ въ тюрьму всѣхъ кандидатовъ вмѣстѣ съ комитетомъ.

Другое основаніе демократизма — веденіе дѣлъ самими рабочими—тоже не осуществилось въ жизни. Вліяніе интеллигентовъ на „Р. Ор." было, правда, сведено до минимума. Но участіе всѣхъ членовъ организаціи въ рѣшеніи вопросовъ ея жизни не было достигнуто. Дѣла велъ, главнымъ образомъ, „Р. К." Важные вопросы, касающіеся всей организаціи, должны были рѣшаться всей организаціей. Они и обсуждались по фабричнымъ кружкамъ. Но за весь годъ существованія организаціи былъ только одинъ случай, когда вопросъ ставился на голосованіе всей организаціи. Это вопросъ о майской демонстраціи. Кружки по предложенію пропагандистовъ обсуждали, устраивать-ли демонстрацію. Кое гдѣ этотъ вопросъ голосовали. Но ясныхъ результатовъ не получилось. Одни пропагандисты—преимущественно политики—приносили извѣстія, что „рабочіе за демонстрацію", другіе — экономисты—что „они противъ". Ни обсужденія безъ интеллигентовъ, ни правильнаго подсчета не было. Похоже было, что не „Р. Ор." „рѣшаетъ свое дѣло", а интеллигенты ведутъ агитацію за свое мнѣніе.

Такимъ образомъ, демократизма не было въ общей жизни организаціи. Былъ онъ только въ основныхъ ея ячейкахъ, вокругъ кассъ, пока жизнь не унесла ихъ потокомъ безработицы.

Конспирація выиграла съ установленіемъ организаціи. Раздѣленіе функцій и частей организаціи нѣсколько гарантировало организацію отъ полнаго провала. Провалы задѣвали только часть организаціи. И даже громадный апрѣльскій провалъ оставилъ неприкосновеннымъ Обуховскій районъ и технику. Вопреки предсказанію южныхъ товарищей, провокаторамъ не удалось проникнуть въ центры организаціи путемъ выборовъ. Провалы въ сильной степени зависѣли отъ провокаторской дѣятельности извѣстнаго М. Гуровича, который заводилъ знакомства съ интеллигентами внѣ организаціи и потомъ выдавалъ ихъ охранному отдѣленію. Но конспирація зависѣла не столько отъ формъ организаціи, сколько отъ режима установившагося въ организаціи.

Нашимъ принципомъ было ригористическое требованіе товарища агитатора:—одно изъ двухъ: или дѣло дѣлать или самоуслаждаться! Мы хотѣли „дѣло дѣлать". И мы отрекались отъ душевныхъ отношеній къ товарищамъ-рабочимъ. Мы не звали ихъ къ себѣ не сообщали имъ своего настоящаго имени и адреса. Мы прихо-

дили къ нимъ по дѣлу, встрѣчаясь часто гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ за городомъ. Мы отказывались отъ не необходимыхъ свиданій со своими знакомыми интеллигентами, мы избѣгали посѣщенія вечеринокъ, косились на „чаепитія". Собранія пропагандистовъ или какія-нибудь другія собранія мы устраивали только въ случаѣ крайней необходимости. Между нами было мало товарищескаго общенія, что несомнѣнно скверно отражалось на развитіи нашего кругозора и на обогащеніи насъ опытомъ товарищей.

Въ жизни интеллигентовъ былъ введенъ тюремный одиночный режимъ. „Чиновники отъ революціи"—характеризовалъ насъ одинъ товарищъ. А вновь входящіе въ организацію товарищи жаловались, и опредѣляли нашъ режимъ двумя словами—„спѣшка и конспирація".

Но прежде чѣмъ мы ясно увидѣли недостатки нашей организаціи и нашего режима, мы безсознательно, ощупью, вносили въ нее нѣкоторыя поправки. Кое-что изъ пунктовъ устава было забыто, кое-что несогласное съ уставомъ было введено въ жизнь.

Интеллигенты-пропагандисты стали ближе къ рабочимъ, и превратились изъ чистыхъ пропагандистовъ (лекторовъ) въ агитаторовъ и въ организаторовъ. Въ „Р. К." и въ Районные Комитеты было введено по интеллигенту на равныхъ правахъ съ рабочими. Автономія районовъ была расширена тѣмъ, что въ спѣшныхъ случаяхъ имъ дано было право выпускать мѣстные листки. (Это сдѣлано было послѣ того, какъ однажды Выборгскій Районный Комитетъ въ нетерпящемъ отлагательства случаѣ издалъ листокъ и напечаталъ его своими средствами на гектографѣ). Въ бурные же весенніе дни уставъ вообще пересталъ соблюдаться и все дѣлалось такъ, какъ было удобнѣе.

III.

Въ жизни „Р. Ор." пропаганда занимала важное мѣсто. Она должна была подготовить сознательныхъ рабочихъ, которые могли бы успѣшно вести борьбу за освобожденіе рабочаго класса. Она должна была отвѣтить на запросы пробужденныхъ къ сознательной жизни рабочихъ. А запросы эти были велики.

Всколыхнувшаяся масса приходила въ движеніе и передъ нею стоялъ цѣлый рядъ непонятныхъ явленій, которыя нужно было понять, обмозговать, потому что безъ этого итти куда-бы то ни было невозможно. И среди сѣрой массы, какъ свѣтлыя точки, выдѣлялись „сознательные" рабочіе, о которыхъ окружающіе думали, что они что-то знаютъ, съ кѣмъ-то вѣдаются. Къ нимъ и тянулась пробуждающаяся темнота со своими запросами. Они же искали отвѣта на запросы или въ рѣдкихъ школахъ и библіотекахъ, гдѣ встрѣчались интеллигентные люди, или въ своей организаціи, которая хотѣла удовлетворять всѣ ихъ интересы.

— Намъ нужно быть во всемъ хозяевами—предъявлялъ свое требованіе товарищъ-рабочій къ пропагандисту.—Надо, чтобы я

могъ растолковать каждому все, что меня спросятъ. Надо мнѣ знать, какъ установить въ станкѣ болванку и надо знать, почему рабочему трудно живется. Объясните намъ сначала геометрію и физику, а потомъ политику.

Но это вполнѣ законное желаніе передового рабочаго быть идейнымъ хозяиномъ жизни нелегальная организація не могла удовлетворить. Она не могла позволить себѣ такой роскоши, какъ обученіе на нелегальныхъ собраніяхъ геометріи и физикѣ, и старалась направить такіе запросы въ школы и курсы. Рабочимъ она предлагала заниматься въ кружкѣ „политикой", т. е. общественными вопросами: „почему рабочему трудно живется".

Сознательные рабочіе обыкновенно формулировали свои запросы къ пропагандистамъ опредѣленно. Они заявляли, что желаютъ слышать систематическое изложеніе политической экономіи, исторіи революціоннаго движенія или чего-нибудь под. Малосознательные же рабочіе не могли формулировать своихъ смутныхъ желаній, и на вопросы пропагандистовъ, чѣмъ они интересуются, или молчали или давали конкретные отвѣты. Но интересующіе ихъ конкретные предметы были изъ самой широкой области—отъ фабричнаго житья-бытья до самыхъ глубокихъ проблемъ философіи. Послѣ вопроса, правда-ли, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны, былъ-ли Христосъ человѣкомъ или богомъ, можно было услышать вопросъ: не побить-ли фабричнаго инспектора, чтобы добиться отъ него правды или нужно-ли снимать шапку передъ мастеромъ.

Малосознательные рабочіе съ радостью встрѣчали интеллигента-пропагандиста, если даже онъ не могъ удовлетворить ихъ запросовъ и просили его:

— Приходите почаще! Скучно, когда вы не приходите.

Рабочій шелъ въ кружокъ „Р. Ор." съ широкими ожиданіями. Какова же была тамъ его встрѣча съ пропагандистами?

Интиллигенты шли въ кружокъ съ горячимъ желаніемъ отдать свои силы и знанія „рабочему дѣлу", они шли „заниматься съ рабочими, развивать ихъ сознаніе". Но кромѣ горячаго желанія, они немного приносили рабочимъ.

Опыта предыдущихъ лѣтъ для насъ не было. Товарищи, работавшіе до насъ, уносили свой опытъ съ собою въ тюрьмы и ссылку. Но если-бы они и оставались съ нами, они не могли дать намъ цѣнныхъ указаній. Періодъ 1896—99 годовъ былъ временемъ агитаціи „на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій", и нѣкоторые дѣятели этого періода говорили: „Въ сущности я противъ всякой пропаганды!" Однако, обойтись безъ пропаганды они не могли, только пропаганда у нихъ была въ загонѣ.

Когда, желая приступить къ „занятію съ рабочими", я обратился къ одному изъ этихъ дѣятелей за указаніемъ, что почитать, и какъ подготовляться, онъ послѣ нѣкотораго размышленія сказалъ:

— Читайте внимательно корреспонденціи въ „Рабочей Мысли", чтобы освоиться съ терминами. Прежде мнѣ было очень трудно разобраться въ системахъ расплаты, ломкѣ смѣнъ. Потомъ привыкъ... Привыкнете и вы...

Это были всѣ его указанія.

Когда черезъ полгода я приступилъ къ „занятію съ рабочими", мнѣ, какъ и товарищамъ, пришлось пробираться ощупью.

— О чемъ говорить?—спрашивали мы у представителя группы, дававшаго намъ адресъ кружка.

— Ну, поговорите на первый разъ объ организаціи или тамъ о связи политики съ экономикой, а потомъ сами увидите.

Мы шли и говорили. Потомъ спрашивали рабочихъ, чѣмъ они интересуются. Малосознательные рабочіе не могли дать намъ отвѣта, и одни изъ пропагандистовъ начинали излагать „Исторію культуры", помня, что они сами начинали съ этого систематическія занятія въ своихъ кружкахъ. Рабочіе зѣвали и неохотно посѣщали кружки. Другіе затрагивали всевозможныя темы, нащупывая почву и стараясь по глазамъ слушателей опредѣлить, что имъ интересно.

Есть люди, которые готовы говорить безъ умолку, не интересуясь узнать, слушаютъ ли ихъ, понимаютъ ли. Этимъ было легко. Но другимъ, пока они осваивались съ рабочими, приходилось трудно. Надо было умѣніе, надо было вниманіе, чтобы вызвать кружокъ на оживленный разговоръ и чтобы придать пропагандѣ характеръ бесѣды или интереснаго разсказа. Были такіе пропагандисты, къ которымъ приходили даже изъ другихъ кружковъ слушатели. Но чаще бывало обратное.

Въ первое время рабочіе не понимали пропагандиста. Нужно было время, пока весьегонскій, скопинскій или гжатскій крестьянинъ привыкалъ къ говору петербургскаго студента, не привыкшаго къ публичной рѣчи. А послѣ нѣсколькихъ недѣль занятій весь умственный багажъ студента былъ выложенъ, и пропагандистъ начиналъ повторяться, онъ выдыхался. Подготовиться къ занятіямъ не всегда было время. Нѣкоторые пробовали читать по книгѣ, но выходило изъ рукъ вонъ скверно. Даже хорошая книга не могла замѣнить живого слова, а хорошихъ книгъ для пропаганды не было. Сознательные рабочіе жаловались своимъ представителямъ:

— Уже слышали! Все тоже да тоже!

Характеризуя результаты пропаганды, представитель Выборгскаго района говорилъ мнѣ:

— Спрашиваю одного рабочаго, о чемъ вчера говорилъ вамъ пропагандистъ?—Говорилъ: нужно бороться.—А въ прошлый разъ что говорилъ?—Въ прошлый?.. то же, что нужно бороться...—Ну, хорошо. А какъ же бороться? спрашиваю.—А онъ только одно и знаетъ: нужно бороться, да нужно бороться.

Другой товарищъ-рабочій говорилъ мнѣ:

— Поучились бы ваши у Георгія Петрова, какъ нужно съ

рабочими разговаривать. Ужъ вотъ говоритъ, такъ говоритъ! Генералы въ церкви стоятъ, такъ какъ начнетъ онъ про богатыхъ и сильныхъ, ихъ такъ и передергиваетъ.

Григорій Петровъ тогда проповѣдывалъ въ церкви Артиллерійскаго Училища и слушать его сходилось столько рабочихъ, что въ церкви не хватало мѣста. Рабочіе увлекались его проповѣдями. Нѣкоторые говорили мнѣ въ минуты откровенности:

— Знаете... У насъ поговариваютъ... Не лучше-ли ходить слушать Петрова, чѣмъ вашихъ. Тамъ и безопаснѣй... А говоритъ онъ, почитай, то же, что вы.

И несмотря на всю убогость своей пропаганды, товарищи-пропагандисты были недовольны равнодушіемъ и холодностью обуховскихъ рабочихъ къ ихъ пропагандѣ.

— Это какіе-то трэдъ-юніонисты, въ нихъ нѣтъ ничего революціоннаго,—говорили они.

Но обуховцы показали свою революціонность черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этихъ словъ. Это было въ майскіе дни, во время обуховской обороны.

Дѣло было въ томъ, что обуховцы, входившіе въ нашу организацію, мало нуждались въ нашей пропагандѣ, а подставлять свою голову полиціи изъ-за ничего они не хотѣли. Это были люди сознательные, перезидавшіе на своемъ вѣку много пропагандистовъ; среди нихъ были старики, которые входили въ кружки уже много лѣтъ назадъ, но вышли изъ нихъ. Только теперь они откликнулись на зовъ „Рабочей Организаціи“ и вошли въ нее, какъ въ свою. Они аккуратно дѣлали членскіе взносы, покупали книги, нерѣдко читали ихъ вмѣстѣ и обсуждали прочитанное. Только посѣщать пропагандистскіе кружки они не хотѣли.

Недостатки нашей пропаганды чувствовались всѣми. Но найти какое-нибудь средство къ ихъ устраненію было крайне трудно.

Все, что мы могли бы сдѣлать, это—составить программу для обмѣна пропагандистовъ и устраивать чаще собранія пропагандистовъ для обмѣна знаніями и для взаимной поддержки. До второго мы не додумались, такъ какъ вообще избѣгали „лишнихъ“ собраній, а за выработку программы принялись.

Въ это время изъ Невскаго района намъ передали цѣлую программу, составленную самими рабочими (авторъ ея былъ чертежникъ), съ просьбою читать по этой программѣ рефераты. Программа начиналась съ „борьбы въ природѣ“, заключала въ себѣ основы научнаго соціализма и подробно останавливалась на борьбѣ иностранныхъ рабочихъ. Мы нашли эту программу неполной, но ухватились за нее обѣими руками. Мы развили въ ней равномѣрно всѣ части, внесли туда сектантство, земство и др.

Какъ я убѣдился потомъ изъ разговоровъ съ авторами программы, мы только испортили ее. Составители намѣренно развили ея части неравномѣрно. Они сжали тѣ части, съ которыми возможно познакомиться рабочему самостоятельно и развили тѣ, въ

которыхъ нужна помощь интеллигентовъ. Мы же выравнили, вылощили программу и внесли въ нее много излишняго.

Убѣдиться на практикѣ въ невозможно большихъ размѣрахъ программы намъ не пришлось. Хотя часть темъ мы и роздали, но ни одного реферата не получили обратно. На этомъ наша попытка помочь пропагандѣ и окончилась. Но опытъ составленія программы не прошелъ для насъ безъ слѣда. Мы увидѣли, какъ широка область интересовъ рабочихъ, и мы въ дальнѣйшей пропагандѣ старались говорить съ рабочими о болѣе живыхъ предметахъ, допотопныя же лекціи по исторіи культуры мы оставили окончательно.

Отмѣчу одинъ фактъ. Въ нашихъ кружковыхъ занятіяхъ намъ не приходилось совершенно разбирать существующія на фабрикѣ мелкія нужды и требованія. Въ этой области кружковые рабочіе разбирались сами. Они взяли на себя экономическую агитацію среди темныхъ товарищей. Въ пропагандѣ мы были „политиками“— плохими или хорошими, другое дѣло. Привыкать къ фабричнымъ терминамъ намъ было необходимо уже не для занятій въ кружкахъ, а для писанія экономическихъ прокламацій.

IV.

Какъ ни велико было мѣсто, занимаемое въ нашей дѣятельности кружковой пропагандой, мы придавали ей только служебное значеніе. Пропаганда должна была служить для выработки сознательныхъ товарищей-рабочихъ, которые могли бы вести самостоятельно работу въ массахъ. Работѣ въ массахъ, агитаціи, придавали мы первенствующее значеніе.

Агитацію мы понимали, какъ призывъ къ непосредственному дѣйствію. Если мы сами и не формулировали такъ наши взгляды, то полусознательно мы всегда сбивались на такое пониманіе. Это ясно изъ нашего отношенія къ политической и экономической борьбѣ.

Воздѣйствовать на широкіе слои рабочихъ мы могли только или черезъ организованныхъ рабочихъ или при посредствѣ литературы, такъ какъ объ устройствѣ массовокъ мы тогда и не думали.

Мы распространяли брошюрки: „Кто чѣмъ живетъ“, „О штрафахъ“, „Сонъ подъ первое мая“, и другія, какія были подъ руками, и номера „Рабочей Мысли“, изданные нашими предшественниками. Но ограниченное количество заграничной литературы не давало ей возможности дѣйствительно распространяться въ массахъ. Къ массамъ мы обращались, почти исключительно, при посредствѣ нашихъ мѣстныхъ и общихъ листковъ.

Мѣстные листки были чисто экономическаго характера. Листокъ писался по указанію организованныхъ рабочихъ, которые или словесно сообщали о положеніи дѣлъ на заводѣ или предоставляли проектъ листка съ просьбой „добавить чего недостаетъ“.

Появленіе мѣстнаго листка бывало цѣлымъ событіемъ въ жизни рабочихъ, еще не затронутыхъ „преступной пропагандой". Хорошо составленный листокъ, нащупавшій дѣйствительно больное мѣсто рабочихъ, производилъ сенсацію... Листокъ читали, перечитывали, обсуждали. При этомъ ярко проявлялись убѣжденія и склонности рабочихъ. Это былъ самый подходящій моментъ для организованныхъ рабочихъ намѣчать себѣ будущихъ членовъ организаціи, и иногда именно для этого рабочіе настаивали на выпускѣ листка.

На фабрикахъ и заводахъ, гдѣ листки не были новостью, къ нимъ относились равнодушнѣе. Но и тутъ характеры проявлялись. Трусы не рѣшались прикоснуться къ листку и инструментомъ сбрасывали его со станка на полъ. Опасливые люди припрятывали листокъ, чтобы наединѣ подъ станкомъ или дома прочесть его. Но находились и смѣльчаки, которые читали его съ возвышенія товарищамъ. Особенно охотно читался листокъ въ отхожемъ мѣстѣ, гдѣ вообще бываетъ что то вродѣ клуба. Если не находилось охотника прочитать листокъ вслухъ, то около листка образовывался хвостъ изъ ожидающихъ очереди прочитать листокъ.

Удачный листокъ производилъ среди рабочихъ броженіе. Измученные прижимками рабочіе готовы были къ борьбѣ. Но „Р. Ор." была осторожна и избѣгала вызывать рабочихъ на стачку, такъ какъ свирѣпствовавшая безработица грозила рабочимъ неудачей. Впрочемъ, мелкія уступки были возможны. Листокъ къ рабочимъ Розенкранца, распространенный и у Гука, вызвалъ сильное броженіе. Администрація засуетилась, явился фабричный инспекторъ,— и кое-какія требованія были удовлетворены. Листокъ даже безъ призыва къ забастовкѣ далъ „осязательные результаты".

Сѣрыхъ рабочихъ сильно интересовало происхожденіе листковъ. Даже подпись „Комитетъ Рабочей Организаціи" не могла заставить повѣрить, что это дѣло рабочихъ. Думали на студентовъ. Листки общаго характера представляли что-то въ родѣ періодическаго органа. Они выходили подъ общимъ заглавіемъ „Рабочій Листокъ". Вышло ихъ десять номеровъ.

Первые номера представляли изъ себя прокламаціи, развѣ иногда помѣщались въ нихъ стихотворенія. Но чтобы сильнѣе заинтересовать рабочихъ и придать листкамъ характеръ газетки, предположено было помѣщать въ нихъ 2—3 статьи. Это было бы новѣе и оригинальнѣе, общія же прокламаціи, при томъ не высокаго качества, стали пріѣдаться рабочимъ. № 10 „Рабочаго Листка" уже приближался къ нашей мысли. Затрудненія въ осуществленіи мысли состояли въ отсутствіи особой литературной группы, которая бы взяла на себя веденіе листковъ; „Р. К." не имѣлъ для этого ни времени, ни силъ. Весною такая группа образовалась и предприняла изданіе ряда листковъ подъ общимъ заглавіемъ „Письма о нашихъ порядкахъ и непорядкахъ".

„Рабочій Листокъ" отражалъ въ себѣ жизнь организаціи. Сна-

чала онъ топтался въ сферѣ „чисто рабочихъ“ интересовъ. Сообщалъ объ образованіи „Р. Ор.“, объ ея цѣляхъ и задачахъ. Онъ звалъ рабочихъ организоваться. Говорилъ о классовыхъ противорѣчіяхъ. Формулировалъ нужды и требованія—„программу“ рабочихъ. Въ № 9 (февраль 1901 г.) онъ, исходя изъ экономическаго кризиса, звалъ рабочихъ къ соціализму, указывалъ на предстоящую борьбу съ правительствомъ, на его силы и на силы рабочихъ, звалъ готовиться. Весенній подъемъ выбилъ союзниковъ изъ ихъ „чисто-рабочихъ“ интересовъ. „Рабочій Листокъ“ разсказывалъ уже рабочимъ въ № 10 „Почему студенты бунтуютъ“ и въ незанумерованномъ листкѣ, вышедшемъ послѣ № 9, говорилъ имъ о Карповичѣ. „Отъ экономики къ политикѣ“—можно бы кратко охарактеризовать содержаніе „Рабочаго Листка“.

Изданіе листковъ находилось всецѣло въ рукахъ экономистовъ, такъ какъ только они входили въ Рабочій Комитетъ. Политикамъ оставалось критиковать эти листки и высказывать свои пожеланія. Прямого вліянія на характеръ листковъ они не имѣли.

Въ спорахъ по поводу листковъ рѣзче всего проявлялись разногласія между политиками и экономистами. Иначе и быть не могло. Листки были тѣми документами, по которымъ всякій посторонній могъ судить о направленіи „Союза Борьбы“. Листками мы говорили съ рабочими, „развивали сознаніе рабочихъ“, агитировали, и въ томъ, *что* мы говорили и *какъ* мы говорили, проявлялась наша тактика по отношенію къ широкимъ массамъ. Такимъ образомъ, критика нашихъ листковъ представляла критику нашей тактики.

Особенно досталось экономистамъ за № 5 „Рабочаго Листка“, содержащій въ себѣ „программу“ „Р. Ор-ціи“, какъ говорили тогда. На самомъ дѣлѣ этотъ листокъ перечислялъ и нѣсколько обобщалъ требованія, обычно встрѣчавшіяся въ мѣстныхъ листкахъ. Это были сплошь экономическія требованія о повышеніи расцѣнковъ, о рабочемъ времени, штрафахъ, о помощи больнымъ, объ отдыхѣ беременнымъ. Всѣ политическія требованія заключались въ требованіи свободы потребительныхъ обществъ, собраній „для обсужденія своихъ нуждъ“ и стачекъ.

— Чортъ знаетъ, что за программа!—возмущались наши политики. Это боязнь политики! Это приниженіе борьбы рабочихъ до требованія прибавки пятака на рубль и минуты на часы! Беременныхъ бабъ вписали, а о политическихъ требованіяхъ едва заикнулись. И при чемъ тутъ свобода потребительныхъ обществъ? Никто не запрещаетъ ихъ устраивать. Вы хотите требовать только того, что уже сознано рабочими, но вѣдь это значитъ, не вести рабочихъ, а плестись въ хвостѣ движенія!

Возмущенный до глубины души этими нападками „бланкистовъ“ товарищъ-агитаторъ обращался за довѣріемъ къ рабочимъ и вѣрнымъ лѣсникамъ.

— Насъ упрекаютъ, что мы поставили въ программу свободу потребительныхъ обществъ и отдыхъ беременнымъ женщинамъ!—

обрушивался онъ на экономистовъ—развѣ рабочимъ не нужно это? развѣ мы неправильно требуемъ?

— Конечно, нужно. Правильно! подтверждали рабочіе и экономисты, не разобравшіе даже, въ чемъ здѣсь, собственно, вопросъ. И агитаторъ объявлялъ политикамъ:

— Товарищи изъ лѣсной группы и рабочіе вполнѣ одобряютъ нашу программу.

Политикамъ приходилось умолкнуть, потому что для нихъ, какъ для всѣхъ союзниковъ, мнѣніе рабочихъ было высшимъ авторитетомъ.

Экономисты энергично возставали противъ обвиненія въ боязни политики. Они указывали на другіе номера „Рабочаго Листка“, на № 10 „Рабочей Мысли“, на пропаганду въ кружкахъ и, наконецъ, на задачи „Союза Борьбы“—бороться за экономическое и *политическое* освобожденіе рабочаго класса. Но поставить политическія права въ число требованій они не считали возможнымъ, потому что „рабочіе не пойдутъ за нихъ“.

Экономисты утверждали, что агитацію необходимо вести на почвѣ конкретныхъ нуждъ и интересовъ рабочихъ, и исходить всегда изъ положенія рабочихъ, чтобы поднять ихъ мысль и развить сознаніе. Они настаивали на такой схемѣ листковъ:

— Рабочіе! Вамъ живется плохо (факты). Вы должны отвоевать себѣ короткій рабочій день, высокую заработную плату, вѣжливое обращеніе. Тогда вы будете въ состояніи повести борьбу за свободу стачекъ, собраній, союзовъ, слова...

Политики требовали обратнаго порядка:

— Надо сказать рабочимъ—говорили они—что пока они не добьются политической свободы, никакія улучшенія ихъ экономическаго положенія невозможны.

Въ своихъ утвержденіяхъ политики были ближе къ истинѣ, хотя они и выражались слишкомъ категорически, но ихъ призывы къ борьбѣ могли скорѣе расхолодить темнаго рабочаго, чѣмъ вызвать его активность. Экономисты же, не задаваясь теоретическими вопросами, обращались къ рабочему на понятномъ ему языкѣ, и поднимали его боевую готовность.

Экономисты не отрицали необходимости политической свободы и признавали, что только борьбою рабочихъ она будетъ завоевана. Но они не признавали возможнымъ вести въ настоящее время политическую борьбу. Это зависѣло въ нѣкоторой степени отъ своеобразнаго взгляда экономистовъ на борьбу вообще.

Какъ средство борьбы мы знали только стачку. Это было для насъ испытанное, реальное средство. Распространеніе своихъ взглядовъ, путемъ литературы или словомъ не было для насъ борьбой, а только пропагандой—развитіемъ сознанія. Агитація была призывомъ къ борьбѣ, но еще не борьбой. Однимъ словомъ въ этомъ отношеніи мы были крайне узкими реалистами и кромѣ стачки сочли бы борьбой возстаніе да, пожалуй, еще не испытанную нами, демонстрацію. И мы аргументировали противъ

своевременности политической борьбы съ точки зрѣнія узкихъ стачкистовъ.

На упреки политиковъ изъ „Рабочаго Знамени“, что мы не ведемъ политической борьбы, мы ставили имъ вопросъ:

— Какъ?

— Нужно выставить политическія требованія.

— Но такія, которыя понятны рабочимъ? за которыя пойдутъ рабочіе? Какъ? Какія, напримѣръ?

И когда запнувшійся политикъ предлагалъ, какъ понятное требованіе, всеобщее обученіе, экономистъ торжествовалъ побѣду.

— И вы думаете, что рабочіе подымутся на стачку за такое требованіе! Да, если бы и забастовала изъ-за этого фабрика, что бы вышло? И это, по вашему, борьба?

Сумбуръ относительно экономической и политической борьбы въ нашихъ головахъ былъ страшный. Большинство изъ пропагандистовъ не было въ состояніи опредѣлить, что такое политическая борьба. Конечно, всякій изъ насъ могъ сказать, что политическая борьба была борьбою съ правительствомъ, но этого намъ было мало. Для насъ было ясно, что требованіе рабочихъ, напр., свободы стачекъ, есть требованіе политическое, и борьба за это требованіе—политическая борьба. Но съ требованіемъ сокращенія рабочаго времени дѣло оказывалось совершенно не понятнымъ. Пока шла забастовка на одной фабрикѣ за сокращеніе рабочаго дня, всѣмъ было ясно, что борьба экономическая. Но стоило только стачкѣ въ 1896—97 году разлиться широко, какъ правительство издало законъ о сокращеніи рабочаго дня. Слѣдовательно, въ результатѣ рабочіе добились новаго закона, т. е. борьба оказалась политической. Чтобы выйти изъ этого затрудненія, нѣкоторые товарищи утверждали, что политической борьбой будетъ борьба всеобщая, напр., всеобщая стачка, и при этомъ ссылались на слова Маркса, что всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Сущности политической борьбы мы не понимали. Мы считали политической уже всякую борьбу за права, которыя нужно вырвать у абсолютизма, и не видѣли надобности въ борьбѣ съ самимъ абсолютизмомъ, борьбы за власть. Въ этомъ отношеніи мы были трэдъ-юніонистами, хотя трэдъ-юніонистами не въ свободной странѣ, а при полномъ безправіи.

— Но вѣдь это безсмыслица—требовать политической свободы при абсолютизмѣ!—говорили политики.

— Если будутъ у насъ свободы, то правительство не будетъ абсолютистическимъ—отвѣчали экономисты. Да широкія массы и не пойдутъ на борьбу съ абсолютизмомъ. Онѣ только начинаютъ понимать необходимость свободъ и борьбу за права.

Товарищи политики или „бланкисты“, какъ мы ихъ называли, имѣли, несомнѣнно, болѣе обширныя знанія, болѣе широкій и правильный взглядъ. Ихъ аргументы не оставались совершенно безъ вліянія на наши взгляды: мы понемногу подвигались къ

политикамъ. И въ этомъ намъ много способствовалъ весенній подъемъ настроенія, который противъ нашей воли несъ насъ вмѣстѣ съ массой къ политической борьбѣ. Но критику нашей дѣятельности, споры съ политиками, мы считали только потерей времени. Съ недоумѣніемъ и упрекомъ смотрѣли мы на литературную дѣятельность „Группы Освобожденія Труда", которая давала непонятный и мелочный Vademecum вмѣсто агитаціонной литературы, въ которой мы такъ нуждались для своей работы.

Когда мы узнали, что за границей появилась новая соціалдемократическая газета „Искра", мы съ радостью ожидали ее. И вотъ къ намъ въ руки попалъ первый ея номеръ. Мы съ жадностью ухватились за него.

— „Посвящается Рабочей Мысли" значилось въ эпиграфѣ статьи. „То есть намъ"... читали мы съ нетерпѣніемъ. Но по мѣрѣ чтенія этой статьи, говорившей о нарождающейся зубатовщинѣ, наши лица вытягивались. Послѣ словъ, что еврейскіе рабочіе получили разрѣшеніе организоваться въ союзъ подъ условіемъ отказа отъ политической борьбы, въ скобкахъ значилось: „начитавшись, должно быть, „Рабочей Мысли". Мы были ошеломлены. Мы чувствовали, что насъ въ чемъ то обвиняютъ, что насъ хотятъ смѣшать съ провокаторами. Но въ чемъ была наша вина—мы не представляли себѣ: кромѣ эпиграфа и этихъ словъ, во всей статьѣ ни слова не говорилось о „Рабочей Мысли".

— Это не по-товарищески... только и могли констатировать мы.

Мы давали номеръ товарищамъ рабочимъ и спрашивали ихъ отзыва.

— Хорошо!—отвѣчали нѣкоторые:—только почему она идетъ противъ „Рабочей Мысли"?

Почему? этого мы не знали сами.

Приблизительно въ то же время „Рабочее Знамя" и „Группа 20-и" выпустили обращеніе къ обществу, въ которомъ говорилось, что „Рабочая Мысль" имѣетъ тенденцію „приблизиться къ направленію умѣреннаго крыла германской соціалдемократической партіи, почти не считаясь съ мѣстными и временными условіями русской жизни, съ другой—недовѣрчивое отношеніе къ росту политическаго самосознанія рабочей массы".

Мы читали и изумлялись: это мы-то не считаемся съ условіями русской жизни?! Не наоборотъ-ли?

На всѣ обвиненія, на нападки, на критику нашей дѣятельности, намъ нужно было отвѣтить. Мы рѣшили это сдѣлать въ нашемъ органѣ, въ „Рабочей Мысли". Нужно было спѣшить, такъ какъ арестъ могъ унести безъ слѣда весь нашъ составъ, а новые люди могли не выразить нашихъ взглядовъ. Исторія эта была обычная и ею объяснялись колебанія въ направленіи „Рабочей Мысли".

На очереди стоялъ № 11. Мы надѣялись было, что намъ удастся выдѣлить изъ организаціи особую редакцію изъ интеллигентовъ и рабочихъ, но наличность силъ не позволила этого

сдѣлать. Пришлось интеллигентской части „К. С. Б.“ редактировать номеръ „артельно“.

Были намѣчены статьи, собирались корреспонденціи. Они прочитывались нѣкоторыми членами комитета, только сомнительныя мѣста выносились на собраніе. Дѣло шло, задержка была за передовицей.

Передовицу долженъ былъ написать товарищъ Д., который уже съ осени работалъ въ другомъ городѣ, но онъ что-то не присылалъ ее. Своими силами намъ не удавалось съ нею справиться. Работа была отвѣтственная: передовица должна была быть нашимъ „Символомъ вѣры“.

Невская группа пропагандистовъ, настроенная критически къ господствующимъ экономистамъ, рѣшила выработать свои инструкціи для руководства при составленіи передовицы-программы. Невская группа, по своему составу, была самая солидная. Въ нее входили два врача, фельдшерица. Студенты здѣсь были въ меньшинствѣ. Можно было ждать, что группа дастъ обоснованную критику дѣятельности союза, или цѣнную инструкцію—„программу“, какъ говорили тогда. Но и эта группа не дала ничего положительнаго. Результаты своего обсужденія вопроса она сформулировала въ нѣсколькихъ строкахъ, которыя гласили, что стоя на почвѣ массового движенія и признавая необходимымъ агитацію за ближайшія требованія рабочихъ, нужно на ряду съ экономической борьбой вести и политическую. Какъ вести борьбу и за что именно—даже въ преніяхъ не указывалось.

Итакъ передовицы не было. Рѣшили было уже пустить номеръ безъ передовицы:

— Пусть не по нашимъ заявленіямъ, а по нашимъ статьямъ судятъ, что мы такое.

Но въ послѣднюю минуту обѣщанная статья была получена. Ее прочли въ собраніи комитета и всѣ одобрили, какъ экономисты, такъ и политики. Никто при быстромъ чтеніи даже не замѣтилъ, что одно ея мѣсто говорило о борьбѣ „за политическія *права*“. Передовица была отослана за границу, гдѣ печатался номеръ. Передъ ней издатели помѣстили „уставъ“ „Р. Ор.“, который былъ составленъ больше полугода назадъ и котораго уже не придерживались строго.

Зоркій глазъ критиковъ изъ „Искры“ отыскалъ въ нашемъ номерѣ то, что имъ было нужно—доказательство нашего экономизма. И процитировавъ инкриминирующее мѣсто, они презрительно бросили намъ приблизительно слѣдующее: „Что еще разговаривать съ людьми, которымъ нельзя втолковать азбучныхъ истинъ“ („Искра“ № 5). Это была вся ихъ критика.

Могла ли такая критика помочь намъ въ прояснѣніи нашего сознанія? Могла-ли она способствовать превращенію насъ въ политиковъ? Очевидно—не могла. Она ничего не разъясняла намъ. Она дѣйствовала только какъ ударъ бича, парализуя нашу способность разбираться въ явленіяхъ и заставляя насъ всѣми силами

защищаться. Только потомъ, „на досугѣ“—въ тюрьмахъ или высылкѣ—мы могли спокойно обдумать все, принимались критиковать себя и измѣняли свои взгляды. „Искра“ и не пыталась переубѣдить насъ критикой. Она хотѣла побѣдить насъ, лишивъ насъ земли и воды. Своей критикой она возстановляла противъ насъ молодежь, еще только приступающую къ работѣ, и насъ—экономистовъ—заставляла умирать безъ притока новыхъ силъ.

Приведенные уже раньше факты давали много указаній, какъ примитивны были наши знанія, какъ недостаточна подготовка къ сложному и отвѣтственному дѣлу, какъ ощупью брели мы впередъ среди нарождающихся новыхъ отношеній. Наша майская кампанія еще ярче обнаружила всю неподготовленность какъ насъ самихъ, такъ и всей нашей организаціи.

Намъ нужно было учиться, учиться и учиться. Но учиться не было возможности. Старшіе товарищи не оставляли намъ своего опыта. Профессіоналовъ у насъ въ организаціи не было. Въ ней были преимущественно студенты. Литературы соотвѣтственной у насъ тоже не было. Легальный марксизмъ толкалъ насъ на путь бернштейніанства, и не могъ дать отвѣта на наши запросы. Серьезная заграничная литература къ намъ почти не попадала. Да, по правдѣ сказать, за исключеніемъ нѣсколькихъ статей въ „Рабочемъ Дѣлѣ“, которыхъ мы и не видѣли, въ заграничной литературѣ ничего подходящаго не было. Тамъ больше пикировались, чѣмъ разъясняли дѣло по существу. А если бы тамъ и было что нибудь подходящее, и если-бы оно и попало къ намъ, то сосредоточиться на немъ хорошенько намъ было некогда. Мы не читали даже всего того, что проходило черезъ наши руки къ рабочимъ.

Широкое рабочее движеніе захватило насъ неподготовленными. Оно предъявляло къ намъ массу запросовъ. Оно требовало отъ насъ массы силъ. И мы давали ему, что имѣли и что могли дать.

Мы ставили своей задачей обслуживать рабочее движеніе, мы хотѣли удовлетворить запросы рабочихъ, и первымъ дѣломъ мы думали, чтобы удовлетворить существующее, а затѣмъ уже, чтобы двигать его впередъ.

Субъективно мы не боялись политики. Мы не были принципіальными экономистами, но мы не понимали политической борьбы и толковали ее трэдъ-юніонистически. Мы крѣпко держались за рабочее движеніе, такъ какъ въ немъ мы чувствовали жизнь и силу. Мы хотѣли быть съ массами и быть понятыми массами, поэтому мы припадали къ массамъ. Только въ праздничные моменты, отвлекаясь отъ повседневныхъ дѣлъ, мы рисовали широкія перспективы, въ будни же мы старались итти только на шагъ передъ массой, чтобы она въ каждый моментъ чувствовала насъ и шла за нами. Мы хотѣли формулировать сознанное передовыми рабочими и безсознательно зрѣющее въ головахъ массовыхъ.

Исходя изъ правильнаго наблюденія, что массы поднимаются

только за насущныя нужды, мы считали необходимымъ вести агитацію на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій рабочихъ.

Стремясь удовлетворить каждый запросъ рабочихъ, мы мыслью привязывались къ повседневнымъ мелочамъ, не могли оглянуться широко вокругъ, не могли сдѣлать смѣлаго обобщенія. Для насъ не существовало цѣлаго, а были только части, къ которымъ мы были привязаны. И въ этомъ заключался нашъ практицизмъ, кустарничество, узость.

Жизнь переламывалась. Кризисъ толкалъ насъ впередъ. И мы шли робко, неувѣренно, ощупывая новыя позиціи, когда мы уже стояли на нихъ. Между тѣмъ убѣжденіями своими мы были еще привязаны къ предыдущему. Мы слишкомъ застоялись въ своей теоріи, и не замѣчали, что интересы массы расширились и что въ кругъ исключительно экономическихъ интересовъ массы врываются политическіе, которые тоже могутъ быть конкретными.

Сознаніе неудовлетворительности всей нашей работы все сильнѣе пробуждалось въ насъ. Мы всѣ чувствовали, что въ жизни нашей организаціи много ненормальнаго. Мы намѣчали уже и преобразованія: расширеніе центра съ образованіемъ вокругъ него ядра болѣе дѣятельныхъ работниковъ; установленіе болѣе тѣснаго соприкосновенія интеллигентовъ съ рабочими. Мы мечтали о расширеніи пропаганды и агитаціи, о приспособленіи ихъ къ уровню развитія отдѣльныхъ слоевъ рабочихъ. Наши листки и „Рабочая Мысль“ должны были обслуживать самыя широкія массы—наименѣе сознательные слои рабочихъ. „Искру“—подъ условіемъ ея большей популярности—мы хотѣли бы видѣть, какъ органъ для сознательныхъ рабочихъ. „Рабочее Дѣло“ должно было стать нашимъ научнымъ сборникомъ. Такъ предлагало „Письмо пропагандистовъ“, предназначенное для отсылки за границу, но попавшее въ руки къ жандармамъ.

Предполагалось поближе познакомиться съ вліяніемъ Георгія Петрова, съ жизнью потребительныхъ обществъ и возникающимъ обществомъ взаимопомощи рабочихъ, о которомъ носились какіе-то смутные слухи. Предполагалось начать агитацію на этой почвѣ.

Все это предполагалось.

Если бы у насъ было больше силъ, мы могли-бы подѣлить между собой работу, удѣлить вниманіе всѣмъ нуждамъ и хоть отчасти осуществить наши планы. Если бы у насъ было больше знаній, мы бы не поддались такъ легко стихійности и направили бы свои силы туда, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждались.

Но у насъ не было ни силъ, ни знаній. Какъ кустари, мы сидѣли со своими устарѣвшими орудіями въ глухой дырѣ и кропотливо трудились надъ маленькимъ дѣломъ, когда пора уже было бросить кустарничество, стать къ усовершенствованному станку и принять участіе въ міровомъ процессѣ.

V.

Несмотря на провалы, внутреннія тренія и недостатки, „Рабочая Организація“ существовала. И мы были увѣрены, что она и будетъ существовать. Но насъ охватывало раздумье:

— Сорганизовались... хорошо. Что же дальше? Организація для чего-нибудь? Освобожденіе рабочаго класса?... хорошо... Но сейчасъ то что же?

Намъ нужна была цѣль и не какая-нибудь отдаленная, а близкая и конкретная.

При другихъ экономическихъ условіяхъ мы направили бы свои усилія на организацію массовой стачки, чтобы провести въ жизнь законъ, вырванный у правительства стачками 1896—97 года. Но теперь былъ экономическій кризисъ и мы не расчитывали на успѣшность экономической борьбы. Нашу мысль стала настойчиво преслѣдовать идея демонстраціи.

Разговоры о демонстраціи начались еще въ концѣ 1900 года. Но сначала это были обычные предмайскіе разговоры, съ обычными затасканными доводами „за“ или „противъ“ демонстраціи. Одни говорили: демонстрація возможна, настроеніе есть, масса пойдетъ. Другіе сомнѣвались и боялись выдать демонстраціей всѣхъ сознательныхъ товарищей полиціи.

Но время шло. Весна приближалась. О демонстраціи говорили настойчивѣе. Политики настаивали на ней. Экономисты упирались. Предпринятъ былъ опросъ всѣхъ кружковъ, но яснаго отвѣта не послѣдовало... Среди студентовъ шли волненія. Отдача въ солдаты студентовъ поразила всѣхъ. Прозвучалъ выстрѣлъ Карповича. Общественная температура поднималась. Интересъ рабочихъ къ общественной жизни возросталъ. Пропагандисты толковали въ кружкахъ про текущія событія.

„Рабочій Комитетъ“ въ № 9 „Рабочаго Листка“ говорилъ о тяжеломъ положеніи рабочихъ, о соціализмѣ, какъ выходѣ изъ соціальнаго рабства и звалъ къ борьбѣ.

Приближалось 4 марта, традиціонный день студенческихъ волненій. Студенты рѣшили устроить въ этотъ день демонстрацію—протестъ противъ отдачи въ солдаты студентовъ. Представители студенческихъ организацій обратились въ „Р. Ор.“ съ предложеніемъ, чтобы рабочіе приняли участіе въ демонстраціи.

„Р. К.“ отвѣтилъ отказомъ. Мотивы были тѣ, что демонстрація эта—студенческая, что лозунги ея чужды рабочей массѣ, комитетъ же стоитъ за пролетарскую демонстрацію, которая можетъ быть пріурочена къ маю. Участіе же рабочихъ въ этой демонстраціи можетъ помѣшать организаціи майской демонстраціи.

Рѣшеніе „Р. К.“ было принято пропагандистами, только одинъ заявилъ, что не согласенъ съ нимъ и пойдетъ звать рабочихъ на демонстрацію. На указаніе, что членъ организаціи не можетъ итти противъ рѣшенія комитета, онъ заявилъ, что сдѣлаетъ это „не какъ членъ организаціи, а какъ частный человѣкъ“.

Демонстрація 4 марта состоялась и окончилась страшнымъ избіеніемъ. Общественная температура круто поднялась вверхъ. Рабочіе, бывшіе на демонстраціи, рвались въ бой.

Вопросъ о необходимости рабочей демонстраціи рѣшился самъ собой. Всѣмъ сдѣлалось очевидно, что демонстрація состоится. И на собраніи „Р. К.“ 4 марта необходимость ея устройства была принята безъ обсужденія

Надо было готовиться.

Дорожа моментомъ всеобщаго возбужденія, „рабочезнаменцы“ предложили „Союзу Борьбы“ ковать желѣзо, пока горячо, и устроить совмѣстными силами демонстрацію въ ближайшее воскресеніе, т. е. 11 марта.

Предложеніе долго обсуждалось въ „К. С. Б.“ Расчитывали, сколько нужно выпустить листковъ, чтобы поднять массу на демонстрацію. Оцѣнивали работоспособность техники. Въ концѣ концовъ пришли къ выводу, что техника не въ силахъ справиться къ сроку съ работой, а потому демонстрація невозможна 11 марта и должна быть отложена еще на недѣлю.

При передачѣ рѣшенія произошла какая-то путаница. „Рабочезнаменцы“ поняли, что „Союзъ“ согласенъ на демонстрацію и стали готовиться. Напечатали листки. Оставалось только условиться съ „союзниками“ о деталяхъ.

Но велико же было изумленіе „рабочезнаменца“, когда „союзникъ“ сообщилъ, что „Р. Ор.“ 11 марта демонстраціи не устраиваетъ.

— Это неслыханно! это преступленіе!—возмущался „знаменецъ“.—Мы повезли уже листки рабочимъ.

Но „Рабочее Знамя“ не имѣло достаточно вліянія среди рабочихъ массъ, чтобы расчитывать своими силами провести демонстрацію, и ея представитель интересовался, какъ будутъ держаться „союзники“ по отношенію къ ихъ призыву на демонстрацію.

— Мы удержимъ рабочихъ отъ демонстраціи, такъ какъ безъ подготовки демонстрація не можетъ быть массовой, а выставить кучку рабочихъ полиціи мы не хотимъ—гласилъ отвѣтъ „союзника“.

— Остается попытаться ударить отбой,—пробормоталъ „знаменецъ“.

Но слухъ о назначенной на 11 марта демонстраціи уже облетѣлъ городъ и рабочіе кварталы. Кто говорилъ, что демонстрація назначена, кто утверждалъ, что она отмѣнена. Никто ничего не зналъ толкомъ. Къ полудню на Невскій проспектъ устремилось много народу. На тротуарахъ было полно, преобладали картузы. Видно было, что это жители окраинъ. Вдоль тротуаровъ стояли усиленные наряды городовыхъ и околоточныхъ. Публика ходила въ ожиданіи, но побродивъ около часу, разошлась.

Демонстрація не состоялась. И это должно быть приписано всецѣло неповоротливости и медлительности „Союза Борьбы“.

Между тѣмъ она могла состояться. Настроеніе несомнѣнно было. Достаточно было бы нѣсколькихъ тысячъ листковъ и даже энергичнаго устнаго призыва, чтобы собралось достаточно рабочихъ для демонстраціи. (Многіе изъ присутствовавшихъ 11 марта на Невскомъ утверждали, что и тогда было достаточно для демонстраціи народу. Но вѣдь они не могли отличить зрителей отъ демонстрантовъ). За демонстрацію 11 марта говорило еще и то соображеніе, что правительство не подготовилось къ ней, какъ къ демонстраціи 1 мая. Въ первый моментъ послѣ студенческой демонстраціи и протестовъ общества администрація растерялась. Какъ не разъ раньше и не разъ позже, она не сумѣла сразу реагировать на новое явленіе. „Союзъ Борьбы" дѣйствительно упустилъ моментъ.

Мартовскіе дни поставили передъ „Р. Ор." конкретную, захватывающую задачу—пролетарскую майскую демонстрацію. Подготовка къ ней представлялась намъ серьезнымъ, труднымъ дѣломъ, такъ какъ мы считали необходимымъ привлечь къ этой демонстраціи по возможности широкія массы... Первый вопросъ былъ о майскихъ листкахъ.

Уже раньше, по соглашенію съ нѣсколькими комитетами Р. С.-Д. Р. Партіи „Союзъ Борьбы" принялъ предложенный ему проектъ общероссійскаго майскаго листка. Выпускъ одинаковаго майскаго листка въ различныхъ городахъ былъ чуть не единственнымъ общепартійнымъ дѣломъ номинально существовавшей Р. С.-Д. Р. П., учрежденной въ 1898 г. Напечатать этотъ листокъ взялась какая-то заграничная организація.

Мы, петербужцы, согласились съ содержаніемъ этого листка и съ необходимостью единаго листка для разныхъ городовъ. Но этотъ листокъ насъ не удовлетворялъ. Онъ былъ недоступенъ для широкихъ массъ. Поэтому мы рѣшили издать еще свой мѣстный майскій листокъ.

Кромѣ него рѣшено было издать обращеніе „къ обществу" съ выясненіемъ значенія пролетарской демонстраціи 1 мая, а передъ самой демонстраціей—извѣщенія о мѣстѣ и порядкѣ демонстраціи. Извѣщенія вмѣстѣ съ 25 тысячами мѣстнаго листка должны были проникнуть во всѣ уголки рабочаго Петербурга и быть хорошей подготовкой для массовой демонстраціи. Общепартійному майскому листку мы придавали только значеніе разъясняющаго листка.

Чтобы демонстрація была дѣйствительно массовой, мы считали необходимымъ дать ей лозунгъ—живой, сильный, властный. Этотъ лозунгъ долженъ былъ ударить по сердцамъ всѣхъ рабочихъ и поднять ихъ на выступленіе.

Экономическія повседневныя требованія мы считали слишкомъ мелкими для лозунга, 8-ми часовой рабочій день и политическія требованія—не достаточно сильными и живыми, чтобы поднять массу. Послѣ долгихъ исканій мы остановились на двухъ словахъ: „*хлѣба и работы*". Этотъ лозунгъ долженъ былъ быть отвѣтомъ на безработицу съ голодомъ и повести за собой массы.

Слѣдующей насущной задачей было — заставить нашъ призывъ проникнуть повсюду, по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ. Гдѣ у насъ не было связей, тамъ необходимо было завести ихъ, хотя бы настолько, чтобы распространить листки. Эту задачу взяли на себя районные комитеты. И подсчитывая передъ самой демонстраціей наши связи, мы съ гордостью констатировали, что въ Петербургѣ нѣтъ ни одного сколько нибудь значительнаго завода, куда бы не могъ проникнуть нашъ призывъ.

Для увеличенія боевой силы мы обратили вниманіе на „Рощу“ и „Гайду“—два товарищества вольной рабочей молодежи Выборгской стороны. Они славились своими боевыми наклонностями, враждовали другъ съ другомъ и держали въ страхѣ полицію. Мы хотѣли обратиться со спеціальной прокламаціей къ „Рощинскимъ и Гайдовскимъ ребятамъ“, чтобы привлечь ихъ къ демонстраціи. Но прокламація осталась несоставленной, такъ какъ никто изъ насъ не зналъ хорошенько жизни „Гайды“ и „Рощи“: писать же отвлеченную прокламацію мы не считали нужнымъ. Потому сношенія съ ними велись черезъ ихъ знакомыхъ организованныхъ рабочихъ устно.

Въ помощь письменной агитаціи была пущена устная. Кромѣ обычной агитаціи въ своей средѣ, которая лежала на всѣхъ организованныхъ рабочихъ, устраивались спеціальныя агитаціонныя собранія изъ членовъ организаціи и примыкающихъ къ ней, гдѣ выступали пропагандисты.

Передъ организаціей стоялъ важный вопросъ—выработать планъ демонстраціи: день, мѣсто, способъ ея организаціи. Этотъ вопросъ вызвалъ сильныя разногласія, и для рѣшенія былъ устроенъ цѣлый рядъ собраній, непредусмотрѣнныхъ нашимъ уставомъ. Было общее собраніе пропагандистовъ, что прежде считалось верхомъ неконспиративности. („А что, если всѣхъ накроютъ?“).

Устраивались расширенныя собранія районныхъ комитетовъ съ наиболѣе активными работниками.

Выяснялось два плана демонстраціи: центральный—на Невскомъ проспектѣ и децентрализированный—по рабочимъ кварталамъ. По первому плану, всѣ рабочіе должны были сойтись на Невскомъ, и для этого назначался праздничный день, 22 апрѣля, ближайшее воскресеніе къ заграничному первому мая. По второму плану, въ день русскаго перваго мая крупные заводы бросали работу, рабочіе выходили на улицу и съ пѣніемъ шли отъ фабрики къ фабрикѣ, всюду снимая рабочихъ.

Первый планъ казался проще, такъ какъ требовалъ меньшей организованности. Онъ былъ привычнѣе. Но многіе рабочіе рѣшительно стояли за второй. Они ссылались на то, что въ городъ могутъ и не допустить рабочихъ, преградивъ заставы войсками. Они считали, что на своей улицѣ больше рабочихъ примкнетъ къ демонстраціи и она будетъ имѣть большое значеніе для всѣхъ рабочихъ. Наконецъ, въ случаѣ столкновенія съ войсками, что не забывалось ни на минуту, рабочіе будутъ на своей улицѣ, гдѣ

имъ извѣстенъ каждый заборъ, каждый камень, гдѣ вокругъ будутъ родные и близкіе.

Въ „Р. К“ получило перевѣсъ мнѣніе устроить демонстрацію на Невскомъ. Главнымъ доводомъ послужила увѣренность, что въ центрѣ города правительство нѣсколько постѣснится устроить разстрѣлъ рабочихъ, такъ какъ пожалѣетъ портить буржуазные дома и магазины, на окраинахъ же оно можетъ попросту перестрѣлять всѣхъ рабочихъ.

Вся организація согласилась съ этимъ планомъ, только Невскій районъ стоялъ за демонстрацію въ рабочихъ кварталахъ. Онъ не хотѣлъ подчиниться рѣшенію „Р. К.“, такъ какъ въ спѣшкѣ „Р. К.“ вынесъ свое рѣшеніе раньше, чѣмъ выслушалъ мнѣніе Невскаго района. Въ концѣ концовъ удалось сойтись на компромиссѣ: демонстрація устраивается на Невскомъ, въ случаѣ же неудачи центральной демонстраціи Невскій районъ вмѣстѣ съ Обуховскимъ устраиваютъ демонстрацію 1 мая по русскому стилю у себя на Шлиссельбургскомъ проспектѣ.

Детали демонстраціи выработалъ „Р. К.“. Онѣ состояли въ томъ, что рабочіе соберутся на Невскомъ между Литейнымъ и Полицейскимъ мостомъ и будутъ ждать сигнала. Къ мѣсту, гдѣ будетъ данъ сигналъ, должны устремиться всѣ демонстранты. Мѣсто это будетъ заранѣе извѣстно организованнымъ. Они тамъ образуютъ ядро, поднимаютъ красное знамя и двигаются всей массой вдоль Невскаго къ Адмиралтейству.

Наканунѣ демонстраціи фабричныя группы получаютъ указаніе, въ какое мѣсто Невскаго имъ итти. Организованнымъ рекомендуется вести съ собою въ назначенныя мѣста товарищей по заводу („со своими бодрѣе“). Каждый районъ оставляетъ дома по нѣсколько человѣкъ, чтобы было кому потомъ возстановить организацію.

Похоже было на то, что мы не ждали со стороны полиціи попытокъ разстроить нашъ планъ арестами. Между тѣмъ за многими изъ насъ уже шла усиленная слѣжка, и планъ нашей демонстраціи былъ извѣстенъ въ общихъ чертахъ въ охранномъ отдѣленіи.

Наступали послѣдніе дни передъ демонстраціей. Шли мелкія собранія. Техника усиленно работала, сами пропагандисты развозили рабочимъ литературу, что прежде, по правиламъ конспираціи, строго воспрещалось. Но теперь конспирація отодвинулась на второй планъ.

Вышла задержка съ общепартійными листками. Обѣщавшая напечатать ихъ организація не пересылала ихъ, между тѣмъ медлить было некогда. Но вотъ давно жданный транспортъ пришелъ. Мы съ жадностью накинулись на литературу, но заказанныхъ листковъ тамъ не было. Было много майскихъ листковъ „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“, „Майскій“ номеръ „Рабочаго Дѣла“.

Спросъ на литературу у насъ былъ громаднѣйшій, и мы рады были всякому листку, печатанному на вольномъ станкѣ. Но

при всей своей невзыскательности, мы пришли въ ужасъ, когда просмотрѣли присланное.

„Листокъ“ предполагалъ, очевидно, что на первое мая у насъ назначена революція. „Номеръ“ былъ умѣреннѣе, но его факты поражали насъ. Тамъ разсказывалось, что 4 марта противъ студентовъ были выставлены пушки. (Въ то время это казалось чудовищнымъ). Въ описанія избіенія студентовъ внесена была безумная фантазія. Разсказывалось про мозгъ изъ череповъ, обрызгавшій стѣны Казанскаго собора, про студента, сошедшаго съ ума отъ ужаса и отгрызшаго себѣ пальцы.

Еще съ кровавыми призывами мы могли кое-какъ мириться, это была „словесность“, которой мы не придавали большого значенія. Но факты насъ положительно убивали. Вѣдь они такъ извращали событія, что намъ было стыдно показать ихъ кому-нибудь изъ мѣстныхъ людей. Ложь подорвала бы къ намъ довѣріе.

Пришлось забраковать литературу „Рабочаго Дѣла“. Оставалась только литература, присланная въ тоже время „Искрой“. Это были общепартійные майскіе листки, роскошно изданные на большихъ листахъ толстой бумаги и маленькіе листки. Идея маленькихъ листковъ была недурна, при томъ же листки были такъ тонки и удобны для распространенія, что мы взяли ихъ сразу. Съ большими листами мы были въ затрудненіи. На нихъ по краямъ текста крупными буквами значилось: по сторонамъ— „Да здравствуетъ международная соціалдемократія!“ „Да здравствуетъ первое мая!“ наверху —„Долой . . . . . “

Этого мы не заказывали. Это по нашему мнѣнію напугаетъ рабочихъ.

Мы негодовали на „Искру“, которая испортила хорошіе листки неподходящей надписью. Мы, экономисты, были злы на комитетскихъ политиковъ, подозрѣвая, что они нарочно подогнали транспортъ литературы къ послѣднему моменту, чтобы у насъ не было выбора. Мы боялись, что при такихъ отношеніяхъ съ политиками, которыхъ мы называли „адъютантами Плеханова“, мы невольно превратимъ „Р. Ор.“ въ орудіе въ рукахъ „Искры“.

Но дѣлать было нечего. Выбора не было. Пришлось взять увѣсистые листы и съ тяжелымъ сердцемъ везти ихъ къ рабочимъ.

На другой день въ рабочихъ кварталахъ рядомъ съ „обязательными постановленіями“ градоначальника о преступныхъ сходахъ красовались роскошные майскіе листки. Только во многихъ мѣстахъ они были изуродованы: у нихъ были срѣзаны края съ взволновавшей насъ надписью. Такъ было въ Обуховскомъ районѣ и, кажется, въ части Выборгскаго.

Приходилось спрашивать срѣзавшихъ:

— Вѣдь вы согласны съ листкомъ. Отчего же вы срѣзаете выводъ изъ содержанія?

— Согласны. Но... выводъ пишутъ внизу, а не вверху. А рабочій, какъ увидитъ надпись, побоится читать листокъ. Такъ не дѣлаютъ.

Съ мѣстнымъ листкомъ вышла тоже задержка. Видный писатель, взявшійся написать листокъ, представилъ такой блѣдный проектъ, что „Р. К.“ забраковалъ его.

Литературная группа не представила проекта. Оставался маленькій листокъ, написанный членомъ „Р. К.“ За неимѣніемъ лучшаго онъ былъ принятъ.

Листокъ, исходя изъ момента безработицы, выставлялъ требованіе 8-ми часового рабочаго дня и политической свободы.

— А какъ-же насчетъ прибавки платы, отмѣны сверхурочныхъ и отдыхъ беременнымъ? спросилъ агитаторъ.

— Оставимъ ужъ ихъ для праздника! предложилъ другой интеллигентъ.

Агитаторъ вопросительно смотрѣлъ на рабочихъ.

— Да ужъ оставимъ... для праздника—поддержалъ кто-то.

Такъ копейка на рубль и беременныя бабы не попали въ майскій листокъ. Честь „Р. Ор.“ передъ критиками была спасена. А вѣдь эта честь висѣла на волоскѣ. Стоило агитатору упереться на своемъ предложеніи, и оно было-бы принято „Р. К—омъ“, а интеллигентская часть не могла бы перерѣшить рѣшенія.

Вечеромъ на собраніе интеллигентской части Комитета были представлены обѣщанные проекты майскаго листка и „обращенія“ къ обществу. „Обращеніе“ было принято безъ разговоровъ: „интеллигентамъ лучше знать, какъ говорить съ обществомъ“. Листки къ рабочимъ сопоставили, вырѣзали изъ представленнаго проекта политическую часть и вставили вмѣсто соотвѣтственнаго мѣста принятаго листка. Къ лозунгу экономистовъ „хлѣба и работы“ прибавили „жизни и свободы“. Листокъ былъ готовъ.

Листокъ отразилъ въ себѣ физіономію „Союза Борьбы“. Онъ былъ конкретенъ, популяренъ, звалъ на демонстрацію какъ на праздникъ, выставлялъ требованіе политической свободы и не говорилъ о борьбѣ съ абсолютизмомъ. Отпечатанъ онъ былъ въ 20.000 экземпляровъ, и такъ какъ призывныхъ листковъ выпустить не успѣли, то приписка въ немъ указывала на время и мѣсто демонстраціи.

Наступило 22 апрѣля, день, назначенный для демонстраціи. Къ 12 часамъ дня тротуары Невскаго проспекта были заполнены рабочими. А по серединѣ Невскаго дефилировали пѣшія и конныя войска.

— Это они намъ парадъ дѣлаютъ—говорили рабочіе.

Сигнала къ демонстраціи не послѣдовало.

Полиція приняла своевременно мѣры. Въ ночь на 18 апрѣля она арестовала около 200 человѣкъ. Въ числѣ ихъ большинство руководителей „Р. Ор.“ Такихъ громадныхъ арестовъ до того времени не было.

Оставшіеся на свободѣ члены организаціи не могли разыскать своихъ представителей. Ихъ не было. Организація была разбита. Некому да и не къ чему было подать сигналъ къ демонстраціи. Детали ея плана организаторы унесли въ тюрьму. А полиція

была наготовѣ въ корнѣ пресѣчь всякую попытку толпы къ демонстраціи

Но атмосфера была насыщена электричествомъ. Рабочія массы были въ глухомъ броженіи. Кое-гдѣ оно прорывалось уже и раньше, какъ на „Петербургскомъ металлическомъ заводѣ", гдѣ рабочіе разгромили въ конторѣ паркетъ, а потомъ сожгли его обломки вмѣстѣ съ шубой фабричнаго инспектора. Теперь же подготовка демонстраціи за хлѣбъ и работу еще подогрѣла настроеніе.

Уцѣлѣвшіе остатки организаціи связывались, сплачивались.

Планъ демонстраціи 22 апрѣля на Невскомъ былъ разбитъ. Но возбужденіе рабочихъ передалось сверху книзу и всколыхнуло широкія рабочія массы. Стихійная волна подняла рабочихъ 1 мая по русскому стилю.

Перваго мая крупныя фабрики и заводы бросили работу. Обуховскіе „трядъ-юніонисты"—какъ ихъ звали горячіе пропагандисты—бились съ войсками, и женщины помогали имъ. На Выборгской сторонѣ рабочіе шли толпою отъ фабрики къ фабрикѣ, останавливая работу. И въ узкомъ переулкѣ при столкновеніи съ войсками были попытки строить баррикады. За Невской заставой борьба продолжалась и послѣ перваго мая,—и обуховцы и семянниковскіе рабочіе добились сокращенія рабочаго времени.

Первое мая было выполненіемъ плана децентрализированной демонстраціи по рабочимъ кварталамъ...

Послѣдующіе годы петербургскаго движенія состояли въ медленномъ умираніи „Р. Ор.", только что еще возникшей къ жизни. Радикальная интеллигенція отошла отъ нея. А сами рабочіе еще не выдвинули достаточно дѣятелей, которые-бы могли руководить рабочими массами, не сбиваясь ни къ революціоннымъ интеллигентскимъ теченіямъ, ни къ провокаторской независимости подъ крылышкомъ зубатовыхъ.

Соціалдемократическая интеллигенція сгруппировалась вокругъ лозунговъ „Искры" въ „Петербургскомъ Комитетѣ" и объявила безпощадную войну существующимъ и несуществующимъ идеямъ Рабочей Организаціи. Экономическая борьба, самостоятельность рабочаго движенія были взяты подъ подозрѣніе. Мѣстные интересы совершенно стушевались передъ общерусскими. Построеніе партіи снизу замѣнилось работой вездѣсущаго центра. Организаціи рабочихъ замѣнялись рабочими, организованными въ исполнительныя группы.

И многіе и многіе рабочіе отвернулись отъ чуждой имъ „Партіи".

К. Семеновъ.